

На правах рукописи

ИСРАИЛОВ Адам Хамзатович

**ФАКТОР ЧЕЧЕНСКОЙ ДИАСПОРЫ В ДВУСТОРОННИХ
ОТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ГОСУДАРСТВАМИ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ ТУРЦИИ, ИОРДАНИИ И
СИРИИ) В 1991-2023 гг.**

Специальность 5.6.7.

История международных отношений и внешней политики

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2025

Работа выполнена на кафедре теории и истории международных отношений
Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего
образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Научный руководитель: **МОРГУНОВА (ПЕТРУНЬКО) Оксана Алексеевна**
PhD, доцент

Официальные оппоненты: **ГАРСАЕВ Лейчий Магамедович**
доктор исторических наук, профессор
Государственное казенное учреждение «Академия наук
Чеченской Республики», заведующий отделом
этнографии Института гуманитарных исследований

ЦИБЕНКО Вероника Витальевна
доктор исторических наук, профессор
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет», профессор
кафедры новой, новейшей истории и международных
отношений

ХАНАЛИЕВ Нурадин Умарпашаевич
доктор политических наук
Федеральная служба по военно-техническому
сотрудничеству Российской Федерации, заместитель
начальника управления

Защита диссертации состоится «_23_» января 2025 г. в _10.00_ часов на
заседании диссертационного совета ПДС 1000.003 при ФГАОУ ВО «Российский
университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, зал 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном
библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан «___» декабря 2024 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета ПДС 1000.003
кандидат исторических наук, доцент

Т.И. Понька

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью в современных международных отношениях диаспор как негосударственного транснационального фактора, способного влиять на политику государств исхода и государств приема.

Учитывая численность и общественное положение чеченской диаспоры в частности и северокавказской диаспоры в целом в государствах Ближнего Востока требуется актуализированное исследование на тему ее влияния на отношения государств исхода и государств приема.

В XXI в. одним из ключевых понятий российской внешней политики стало понятие «русский мир», включенное в Концепцию внешней политики России 2023 г. Современная концепция «русского мира» включает в себя не только этнических русских, но также и всех тех, кто говорит на русском языке или на языке коренных народов Российской Федерации, что обуславливает необходимость комплексного исследования проблематики чеченской диаспоры.

Кроме того, Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. отмечает, что развитие отношений с «исламским миром», в частности с Сирией и Турцией, является одним из стратегических направлений российской внешней политики¹. В связи с чем требуется изучение дополнительных факторов, влияющих на двустороннее сотрудничество России и государств с преобладающим мусульманским населением.

Следует подчеркнуть, что актуальность темы исследования связана и с активизацией российской внешнеполитической деятельности по налаживанию контактов с российской диаспорой и соотечественниками за рубежом, что находит свое отражение в ряде концептуальных и законодательных документов Российской Федерации.

Степень научной разработанности темы исследования. Фактор чеченской диаспоры в двусторонних отношениях России с Турцией, Иорданией и Сирией не получил достаточной проработки в научной литературе. Однако есть широкий круг ученых, изучавших отдельные аспекты данной проблемы, работы которых способствовали данному исследованию. В том числе ряд работ на темы: роли диаспор в мировой политике, положение чеченской диаспоры в Иордании, Сирии и Турции в определенные периоды, политическая деятельность черкесской диаспоры, двусторонние отношения России с Турцией, Иорданией и Сирией.

Достаточно широкий корпус литературы, изучающей влияние диаспор на

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (Дата обращения: 27.10.2024)

международные отношения. Тут можно отметить Р. Кохейна², который ввел типологизацию диаспор, описал процесс ее становления и этапы ее изучения. К этому же корпусу литературу выделить исследователей, изучавших влияние диаспор на мировую политику, в том числе через лоббизм и политическую активность, связанную со страной исхода и страной приема.

Среди российских авторов, в частности, следует выделить работы О. А. Моргуновой³, изучавшей мобилизацию представителей диаспоры через цифровые каналы с целью защиты своих интересов, и И.Д. Лошкарёва⁴, исследующего ресурсы диаспор для лоббирования своих интересов и их влияние на общество. Среди зарубежных авторов, исследующих роль диаспор в мировой политике, можно выделить Г. Шарифа⁵, изучающего взаимодействие диаспор и террористических группировок, Н.В. Хиара⁶, анализирующего вовлеченность диаспор в вооруженные конфликты, и А. Гамлена, рассматривающего развитие государственных институтов по взаимодействию с диаспорами⁷. Также хотелось бы выделить работу М. Койновой⁸, которая на примере чеченской, армянской и албанской диаспоры показывает мобилизацию диаспор в условиях сепаратистских конфликтов. Однако задачей исследователей в данных работах не была разработка аналитической схемы влияния диаспоры на международные отношения через изучение их направлений деятельности, каналов и их форм взаимодействия с другими политическими акторами.

В отдельную группу выделены работы, посвященные истории Чечни, в том числе кризисным явлениям в истории Чеченской Республики. В эту группу можно отнести труды таких отечественных авторов, как И. Акаев⁹, а именно его

² Cohen R. *Global Diasporas: An introduction*. Routledge. Taylor&Francis Group. Second edition. 2008. 238 p.; Cohen R., Sheringham O. *Creolisation and diaspora: diverging, converging. The impact of diasporas*. Oxford diasporas programme. 2015. P. 15-18.

³ Morgunova O. Russians in the City-'patriots' with a touch of spleen. *International Migration and Gender Studies Institute Brussels // Studies in Russian, Eurasian, and Central European New Media*. № 9. 2013. P. 51-68; Morgunova O., Byford, A. *Between Neo-nationalizing Russia and Brexit Britain: The Dilemmas of Russian Migrants' Political Mobilizations // Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 4(4). 2018. P. 129-161.

⁴ Лошкарёв И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике // *Вестник МГИМО Университета*. 2015. №. 2 (41). С. 127-133; Лошкарёв И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017. №4 (106). С. 70-78

⁵ Sherif G. *Diasporas, terrorism and WMD*. *International Studies Review. The Forum*. 2005. № 7. P. 160-162.

⁶ Hear V. N. *Diaspora engagement in war-torn societies. The impact of diasporas*. Oxford diasporas programme. 2015. P. 18-21.

⁷ Gamlen A. *Explaining diaspora engagement policy. The impact of diasporas*. Oxford diasporas programme. 2015. P. 22-24.

⁸ Koinova M. *Diasporas and Secessionist Conflicts: Mobilization of the Albanian, Armenian, and Chechen Diasporas*. *Ethnic and Racial Studies*. 2011. 34(2). P. 333-356

⁹ Акаев И., Бенедетти Ф. *Свобода или смерть. История Чеченской Республики. От революции к войне*. 1991-1994. Екатеринбург: RIDERO. 2022. 410 с. URL: <https://bookmate.ru/reader/ArbKCMRc?resource=book>

совместную работу с Ф. Бенедетти, в которой исследованы политические процессы в Чеченской Республике в 1991–1994 гг., а также коллективную монографию Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, посвященную истории и культуре Чечни¹⁰.

В эту же группу можно отнести работу иорданского исследователя А. Джеймухи¹¹, которую можно назвать одной из фундаментальных, написанных на английском языке на тему истории Чечни.

Среди других зарубежных исследователей можно выделить Б.Г. Вильямса¹², изучающего период кризиса в Чеченской Республике в 1991–2009 гг., А.С. Томаса¹³, Дж. Вильсмана¹⁴. Также можно выделить работу исследователя Ф. Шафи¹⁵, изучающего события кризиса в Чечне.

Однако в указанной группе литературы взаимодействие Чеченской Республики и чеченской диаспоры не рассматривалось, в лучшем случае упоминается наличие чеченской диаспоры, без комплексного изучения ее политической роли.

Следует выделить группу работ, связанных с процессом формирования чеченской и северокавказской диаспор во второй половине XIX в. – первой половине XX в., а также с вопросом современного положения представителей диаспор в странах приема. Среди российских исследований в качестве фундаментальных работ можно выделить монографию С.-Э.С. Бадаева¹⁶ и диссертацию Б.Г. Алиева¹⁷. Важно отметить труды академика АН ЧР Л. М. Гарсаева¹⁸, изучающего вклад представителей чеченской диаспоры в общества

¹⁰ Чеченцы / отв. Ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова; ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2012. 622 с.

¹¹ Jaimoukha A. The Chechens. A Handbook. Abingdon: RoutledgeCurzon. 2005. 343 p.

¹² Williams B.G. Inferno in Chechnya the Russian-Chechen Wars, the al Qaeda Myth, and the Boston Marathon Bombing. University Press of New England. 2015. 290 p.

¹³ Tomas A. S. Legitimacy, success, and rebellion in Chechnya: the rise and fall of Chechen independence. A thesis submitted to the faculty at the University of North Carolina. 2017. Chapel Hill. 98 p.

¹⁴ Wilhelmsen J. Exclusion and Inclusion: The Core of Chechen Mobilization to Jihad. Perspectives on terrorism. Vol. 14. Issue 2. 2020. P. 27-41

¹⁵ Shafee F. Misperceptions about the conflict in Chechnya: The influence of Orientalism // Securitologia. 2015. №. 22.(2). P. 26-42.

¹⁶ Бадаев С.-Э.С. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке: история и современность: монография. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат имени Революции 1905 г., 2008. 315 с.

¹⁷ Алиев Б.Г. Северокавказская диаспора в странах Ближнего и Среднего Востока: история и современные процессы, вторая половина XIX–XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02, 07.00.03. – Махачкала, 2001. 264 с.

¹⁸ Гапуров Ш.А., Гарсаев Л.М., Гарасаев Х.-А.М. Чеченская диаспора Сирии и география ее расселения (по полевым материалам) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2022. № 3 (58). С. 91–97. DOI: 10.25744/vestnik.2022.58.3.012.; Гарсаев Л. М., Гарасаев Х.-А. М., Магомедова Р. М., Гусейнова И. С. Военная элита Турции из потомков чеченских мухаджиров // Образование и право. 2020. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-elita-turtsii-iz-potomkov-chechenskih-muhadzhirov> (дата обращения: 13.12.2022); Гарсаев Л.М., Гарасаев Х.-

государств Ближнего Востока, а также положение представителей диаспоры в стране приема на примере отдельных лиц, достигших значимых результатов в своей трудовой и профессиональной деятельности. К этой же группе следует отнести работы Д.А. Миргорода, в которых анализируется роль чеченской диаспоры в иорданских элитах¹⁹. Однако в данных исследованиях чеченская диаспора не рассматривается как негосударственный актор в международных отношениях, нераскрытыми остаются проблемы влияния диаспоры на политику страны исхода и приема.

Следует выделить монографию Ф. Бадерхана²⁰ и докторскую диссертацию В.В. Цибенко²¹, в которой автор рассматривает процесс развития черкесских общественных организаций в Турции и их влияние на политику страны, а также статью И.В. Рыжова и М.Ю. Бородиной²². Отдельно следует отметить и работу иорданского исследователя (на русском языке) Я. Арслана²³. В указанных исследованиях основной упор делается на политическую роль черкесской части северокавказской диаспоры в государствах Ближнего Востока, а чеченский сегмент северокавказской диаспоры упоминается вскользь.

В отдельную группу выделены работы, посвященные двусторонним отношениям Российской Федерации с государствами региона и их внешней политике. Так, в части российско-иорданского сотрудничества следует выделить работы М. Аль Макалех (Дубовиковой)²⁴ и В. Ю. Павловой²⁵, в которых

А.М., Гарсаева М.М. Генерал армии, начальник Генштаба МО Турции Доган Гюреш. Рефлексия. № 1. 2021. С. 57–58; Гарсаев Л.М., Гарсаев Х.-А. М. Чеченские мухаджеры и их потомки в истории и культуре Иордании. Грозный: Грозненский рабочий. 2019 г. 415 с.

¹⁹ Миргород Д. А., Исраилов А. М. Чеченская диаспора в иерархии политических элит ближневосточных государств (кейс Иордании) // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. №. 1. С. 99-112.

²⁰ Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). ИВ РАН. М.: 2001. 118 с.

²¹ Цибенко В.В. Фактор нацстроительства в системе международных отношений на примере деятельности черкесских организаций в Турции. дис. ... доктор исторических наук: 5.6.7. / Цибенко Вероника Витальевна; научный консультант Т.В. Каширина; ДА МИД России М., 2022, 2022. 565 с.

²² Рыжов И.В., Бородина М.Ю. Черкесская диаспора в ближневосточных государствах: история и современность. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5: Мусульманский мир на исторических рубежах России / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко; сост. И.Г. Саатов. – М.: ИВ РАН, 2017. – С. 423–436

²³ Арслан Я. Иорданские чеченцы. / Российские соотечественники в Иордании // под ред. Калугин А.М., Барковская Е.Ю., Булгакова И.А., Иванова Л.Б., Калугина Л.И., Новоселов Д.В., Поляков А.А. / Амман, 2010 236 с.

²⁴ Dubovikova M. A shift in Jordanian-Russian relations. 2018. ArabNews. URL: <https://www.arabnews.com/node/1346651> (дата обращения: 09.01.2024); 69. Аль Макалех (Дубовикова) М. Иордания: небезопасная безопасность. Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке: хрестоматия / [сост. Т. А. Махмутов ; Р. Ш. Мамедов; О. А. Пылова] ; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019. С. 56-63

²⁵ Павлова В.Ю. Внешняя политика Иордании в условиях сирийского кризиса. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. № 2(16). 2018. С. 136-147

рассматриваются двусторонние отношения в контексте изменения системы международных отношений в регионе в связи со внешними и внутренними кризисами, а также статью А.В. Демченко, посвященную двусторонним отношениям России и Иордании²⁶. Эти исследования, однако, в малой степени затрагивают влияния негосударственных акторов на двусторонние отношения. Также в эту группу следует отнести диссертационное исследование Н.Н. Морозовой²⁷, в которой рассматриваются двусторонние отношения России и Иордании и влияние исламского фактора на них. Среди достоинств данной работы следует отметить, что указывается влияние чеченской диаспоры на двусторонние отношения России и Иордании, однако делается неверный вывод о том, что в период конфликта в Чечне чеченская диаспора заняла антироссийскую позицию.

Необходимо рассмотреть также группу исследований, посвященных ближневосточной политике Российской Федерации. К этой группе можно отнести совместную работу авторского коллектива под руководством И.Д. Звягельской²⁸, в которой рассматриваются взаимоотношения России с основными акторами в регионе и роль России в региональных конфликтах. Также необходимо рассмотреть статью Б.Г. Бердиева²⁹. В его работе показана эволюция российского присутствия в регионе Ближнего Востока, а также ее деятельности по урегулированию конфликтов в регионе на современном этапе.

К этой же группе можно отнести зарубежных исследователей, в том числе Г. Бахгата³⁰, который в своей статье анализирует механизмы присутствия России на Ближнем Востоке. Можно выделить также работу В. Родкевича³¹, в которой дан комплексный анализ российской политики на Ближнем Востоке. При этом в данных исследования не уделяется значительного внимания взаимодействию России и с государствами региона через неформальные каналы, в том числе российскую диаспору в регионе.

Также следует выделить еще одну группу работ, посвященных

²⁶ Демченко А.В. Российско-иорданские отношения в начале XXI века: достижения, проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-iordanskije-otnosheniya-v-nachale-xxi-veka-dostizheniya-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 03.01.2024).

²⁷ Морозова Н.Н. Исламский фактор во внешней политике Королевства Марокко и Иорданского Хашимитского Королевства (1980-е гг.-2019 г.). дис. ... к. ист. наук.: 07.00. 15 / Надежда Николаевна Морозова, науч. рук. Л.В. Пономаренко, РУДН М.: 2020, 189 с.

²⁸ Звягельская И.Д., Богачева А. С., Давыдов А. А., Ибрагимов И. Э., Лазовский С. О., Самарская Л. М., Свистунова И. А., Сурков Н. Ю., Тюкаева Т. И. Российская политика на Ближнем Востоке. Перспективы и вызовы // Свободная мысль. 2021. №6 (1690). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politika-na-blizhnem-vostokey-perspektivy-i-vyzovy> (дата обращения: 02.10.2024).

²⁹ Бердиев Б. Г. Политика Российской Федерации в урегулировании международных конфликтов на Ближнем Востоке // Вестник Поволжского института управления. 2023. №. 4. С. 28-35.

³⁰ Bahgat G. Russia and the Middle East: Opportunities and Challenges // Russia's Global Reach: A Security and Statecraft. 2021. P. 72-79.

³¹ Rodkiewicz W. Russia's Middle Eastern policy. Regional ambitions, global objectives. OSW Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia, 2017. 50 p.

взаимодействию регионов Северного Кавказа с государствами Ближнего Востока и диаспорой. В этой группе можно выделить работу Э.Д. Эшбы³², в которой изучается советский опыт взаимодействия, статью Р.М. Эмирова³³ и В.Н. Садченко³⁴. Также следует отметить статью И.У. Клыща³⁵, описывающую деятельность Чеченской Республики на Ближнем Востоке, в том числе в качестве моста между Россией и государствами региона. Однако в данных исследованиях взаимодействию между Чеченской Республикой и диаспорой не уделено достаточного внимания, в основном они сконцентрированы на Чеченской Республике как на факторе «мягкой» силы в отношениях России с государствами Ближнего Востока.

В отдельную специальную группу можно выделить работы, изучающие фактор северокавказской диаспоры в двусторонних отношениях России с государствами региона. Здесь следует выделить доклад В.А. Матвеева³⁶, совместную статью С.И. Аккиевой и К.Ф. Дзамихова³⁷. Однако данные работы не носят комплексного характера и посвящены в первую очередь черкесской части северокавказской диаспоры.

Среди иностранных авторов следует отметить работу П. Андерсона³⁸, исследующего роль чеченской диаспоры в Сирии в период кризиса в стране в качестве неформального инструмента во взаимодействии России и САР, доклад Дж. Р. Хайнеса³⁹, в которой рассматривается политическая активность чеченской диаспоры в период конфликта в Чечне и в Сирии. В данные исследования показана политическая активность чеченской диаспоры, в том числе в контексте двусторонних отношений России и Сирии, однако данные работы затрагивают

³² Эшба Э.Д. Черкесы СССР и их связи с зарубежной диаспорой // Ежегодник ИМИ. № 1(11). 2015. С. 87–91

³³ Эмиров Р.М. Этнонациональный фактор во взаимоотношениях Кавказа и стран Ближнего Востока // Власть. 2014. № 12. С. 207–211

³⁴ Садченко В.Н. Чеченская Республика. // Аналитический доклад «Внешиполитическое измерение Северо-Кавказского Федерального округа». / колл. авторов Маркедонов С.М., Крючков И.В., Величко И.В., Зенченко С.В., Лушников Д.В., Садченко В.Н., Тельменко Е.П. 2022. 45 с.

³⁵ Klyszcz I.U. Chechnya's Paradiplomacy 2000 2020: The Emergence and Evolution of External Relations of a Reincorporated Territory. Nationalities Papers № 1 17. 2022. doi:10.1017/nps.2022.8

³⁶ Матвеев В.А. «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. М., ИЭА РАН, 2011. № 226. 38 с.

³⁷ Аккиева С.И., Дзамихов К.Ф. Наследие мухаджиров как политический актив. Совет по обороне и внешней политике. URL: Наследие мухаджиров как политический актив – Совет по внешней и оборонной политике (svop.ru) (дата обращения: 27.12.2022)

³⁸ Anderson P. The Social Life of Syrian Diplomacy: Transnational Kinship Networks of the Asad Regime. // History and Anthropology, 2021, №32 URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02757206.2021.1946052?scroll=top&needAccess=true> (дата обращения: 02.06.2022)

³⁹ Haines J. R. The inseparable twins, diaspora shishan and chechen wuwahhidun and jihadism in Al-Sham. The Philadelphia papers. №7. 2014. p. 40 URL: <https://www.fpri.org/article/2014/11/the-inseparable-twins-diaspora-shishan-and-chechen-muwa%E1%B8%A5%E1%B8%A5idun-jihadis-in-al-sham/> (дата обращения: 02.06.2022)

лишь отдельные аспекты деятельности чеченской диаспоры.

Таким образом, был изучен обширный корпус исследований, посвященных как чеченской, так и северокавказской диаспоре в целом, а также взаимодействию России с государствами Ближнего Востока. Однако, несмотря на значительную историографическую базу, проблематика фактора чеченской диаспоры в двусторонних отношениях России с Турцией, Иорданией и Сирией не получила комплексного исследования.

Объектом исследования является чеченская диаспора на Ближнем Востоке.

Предметом исследования – деятельность чеченской диаспоры в контексте отношений России с Турцией, Иорданией и Сирией.

Целью исследования является выявление особенностей деятельности чеченской диаспоры в двусторонних отношениях Российской Федерации с Турцией, Иорданией и Сирией.

Для достижения цели исследования были поставлены **следующие задачи:**

- проанализировать теоретические основы изучения диаспоры;
- рассмотреть роль диаспор в мировой политике;
- выявить исторические особенности формирования чеченской диаспоры;
- изучить динамику роли чеченской диаспоры во внутренней и внешней политике Иордании, Сирии и Турции;
- провести анализ деятельности Чеченской Республики по поддержанию связей с диаспорой;
- изучить формирование в диаспоре отношения к вызовам в двусторонних отношениях России с Турцией, Иорданией и Сирией;
- рассмотреть чеченскую диаспору как транснационального негосударственного актора в двусторонних отношениях России и государств Ближнего Востока;
- изучить влияние конфликта в Сирии на чеченскую диаспору в стране и формирование ее транснациональных связей;
- изучить деятельность Чеченской Республики по поддержанию связей с диаспорой в странах Ближнего Востока после 2009 г.

Хронологические рамки исследования. Нижняя рамка исследования – 1991 г., обусловлена годом появления независимой Российской Федерации и началом кризиса в Чеченской Республике.

Верхняя рамка исследования – 2023 г., когда Чеченская Республика оказала помощь диаспоре после землетрясений в Сирии и Турции, в ходе которого пострадали районы, компактного расселения чеченцев и представителей других этносов Северного Кавказа.

Географические рамки исследования. Данное исследование посвящено изучению фактора чеченской диаспоры в отношениях России с Турцией, Иорданией и Сирией. В рамках российского (вслед за советским) востоковедения Турция не относится к региону Ближнего Востока. Однако исследование

затрагивает период XIX в., когда чеченская диаспора формировалась в Османской империи, которая в тот период являлась крупнейшей региональной державой и включала в себя территории современных Турции, Иордании и Сирии. Таким образом, включение Турции в регион Ближнего Востока связано со спецификой темы диссертационного исследования.

Источниковая база исследования В диссертации были использованы различные источники на русском, английском, турецком и арабском языках, среди которых можно выделить несколько видов: нормативно-законодательные документы, делопроизводственные документы, публицистические и статистические источники.

Первую группу документов составляют нормативно-законодательные источники. К ним относятся Конституция РФ 1993 г. с учетом поправок 2020 г.⁴⁰, Конституция Иордании 1952 г.⁴¹, Конституция Сирии 2012 г.⁴² и Конституция Турции 1982 г.⁴³. Также к этой группе следует отнести концепции внешней политики России в разные периоды⁴⁴, ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. N 99-ФЗ⁴⁵. К нормативно-законодательным источникам относятся и международные соглашения России с зарубежными государствами, к примеру, Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики⁴⁶.

Из делопроизводственных источников в ходе исследования были

⁴⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // База данных «Консультант-плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.05.2024)

⁴¹ Дустуруль Урдун (Конституция Иордании) // Официальный сайт Правительства Иорданского Хашимитского Королевства. URL: <https://clck.ru/3B2vdv> (дата обращения: 15.05.2024)

⁴² Дустуруль джумхуриятиль арабияти ас-сурияти (Конституция Сирийской Арабской Республики) // Официальный сайт Министерства обороны САР. URL: <https://www.mod.gov.sy/index.php?node=551&cat=3858> (дата обращения: 15.05.2024)

⁴³ Constitution of the Republic of Turkey. The official translation published by Grand National Assembly of Turkey // Официальный сайт ВСНТ Турции. URL: https://www.anayasa.gov.tr/media/7258/anayasa_eng.pdf (дата обращения: 15.05.2024)

⁴⁴ Указ Президента Российской Федерации от 2 февраля 2013 г. № Пр-251 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797> (дата обращения: 22.04.2023); Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 22.04.2023);

⁴⁵ Федеральный закон от 24 мая 1999 г. N 99-ФЗ "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом" (с изменениями и дополнениями). База данных правовой информации «Гарант». URL: Статья 1. Понятие соотечественника | ГАРАНТ (garant.ru) (дата обращения: 25.12.2024)

⁴⁶ Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики. Электронный фонд правовых и нормативно-правовых документов. URL: Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики от 25 мая 1992. URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 08.07.2023)

использованы документы ООН, в том числе доклады о реализации пункта 9 Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации⁴⁷; официальная переписка между представителями парламентских фракций⁴⁸; законопроекты Российской Федерации⁴⁹.

Широко использовались публицистические источники, в том числе выступления глав государств⁵⁰, выступления представителей МИД⁵¹, выступления, заявления и интервью других официальных лиц в СМИ и социальных сетях⁵², информация с официальных сайтов органов власти⁵³. Кроме того, использовались интервью лиц, не занимавших официальные посты, но исторически значимых для исследования личностей, а также официальных лиц в прошлом⁵⁴, опубликованные воспоминания и семейные предания⁵⁵.

Кроме того, использовались статистические источники, среди них перепись

⁴⁷ Доклады, предоставленные государствами-участниками в соответствии со статьей 9 Конвенции (двенадцатые периодические доклады государств-участников, подлежащие представлению в 1997 г.) Иордания / Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации // Комитет по ликвидации расовой дискриминации. 1998. С. 11 [язык оригинала: арабский]. URL: <https://clck.ru/38UHma> (Дата обращения: 01.02.2024)

⁴⁸ Письмо Л.И. Калашникова в адрес Ф. Арсландюк. Официальный сайт партии Çoğulcu Demokrasi Partisi. 02.04.2022. (Плюралистической демократической партии). URL: <http://www.cdp.org.tr/?p=3187> (дата обращения: 15.08.2023)

⁴⁹ Законопроект № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (об определении понятия соотечественник). Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/95462-8> (дата обращения: 01.08.2023)

⁵⁰ Вступительное слово на встрече с лидером партии справедливости и развития Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. 24.12.2023. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/21825> (дата обращения: 15.07.2023); Jordan willing to assist Chechnya King. The Official website of UCHR Reliefweb. 28.08.2023. URL: <https://reliefweb.int/report/russian-federation/jordan-willing-assist-chechnya-king> (дата обращения: 15.05.2023); Альмалик: аль-урдун бавабатан лиджалиль амалийш шишан лиасвакхиль алямил арабий (Король: Иордания ворота на арабские рынки для чеченских бизнесменов). Газета «Аль-Гхадан». 19.06.2014. URL: <https://clck.ru/38SzBK>

⁵¹ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел и по делам эмигрантов Иорданского Хашимитского Королевства А.Сафади, Москва, 19 февраля 2020 г. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/es/press_service/photo/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/1427689/?lang=ru.

⁵² Официальный телеграм-канал Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова. 21.12.2021. URL: https://t.me/RKadyrov_95/1198 (дата обращения: 10.06.2023);

⁵³ Russian and Jordan are intended to strengthen bilateral military cooperation. The official website of Ministry of Defense of Russian Federation. URL: https://eng.mil.ru/en/news_page/country/more.htm?id=12120781@egNews; Çeçenistan Kültür Bakan Yardımcısı Zugirayev İlimizdeydi. Официальный сайт Администрации города Сивас. 25.04.2011. URL: <http://www.sivas.gov.tr/-e-enistan-k-It-r-bakan-yardimcisi-zugirayev-ilimizdeydi>

⁵⁴ Документальный фильм «План Кавказ». Первый канал. Видеохостинг Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jyzEkA9Kxeo> (дата обращения: 25.04.2023)

⁵⁵ Исраилов И.У. Откликаясь на зов предков. Газета «Гумс». № 23–24. 7 марта. 2003.

населения СССР 1989 г.⁵⁶ и материалы базы данных «Joshua Project» о численности чеченцев в тех или иных странах⁵⁷.

Таким образом, в работе представлены источники на русском, английском, турецком и арабском языках, которые достаточны и репрезентативны для проведения исследования на выбранную тему.

Методология исследования. Диаспора является негосударственным транснациональным актором международных отношений, и при анализе роли чеченской диаспоры в двусторонних отношениях России и государств Ближнего Востока наиболее полезной оказалась теория либерализма в международных отношениях, в рамках которой международные отношения являются пространством взаимодействия как государств, так и негосударственных акторов, в том числе диаспор. Теория либерализма также описывает участие государств в мировой политике как процесс внутреннего согласования внешнеполитической линии различными общественными группами.

Среди теоретиков либерализма в международных отношениях можно выделить Дж. Ная⁵⁸, Дж. Розенау⁵⁹, Р. Путнама⁶⁰. Также следует отметить российских ученых, таких как А.Д. Богатурова⁶¹, А.Ю. Мельвиль⁶².

Кроме того, в ходе исследования автор использовал системный подход для определения исторического контекста темы диссертационного исследования и комплексный подход для определения влияния кризисных моментов в исследуемый период на чеченскую диаспору и ее влияния как транснационального актора международных отношений. Исследование построено на принципах объективности, научной достоверности и историзма.

В исследовании использовалось единство исторического и логического.

Методы исследования. В целях полноценного раскрытия роли диаспоры в двусторонних отношениях был использован широкий спектр методов, как

⁵⁶ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам России. Официальный сайт Института демографии им. А.Г. Вишневого НИУ ВШЭ. URL: Демоскоп Weekly – Приложение. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=49

⁵⁷ Chechen in Jordan. Joshua Project. URL: https://joshuaproject.net/people_groups/11317/JO (Дата обращения: 03.01.2022); Chechen in Syria. URL: https://joshuaproject.net/people_groups/11317/SY (Дата обращения: 03.01.2022); Chechen in Turkey. URL: https://joshuaproject.net/people_groups/11317/TU (Дата обращения: 03.01.2022)

⁵⁸ Nye Jr J. S. Public diplomacy and soft power //The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – №. 1 (616). – P. 94-109.

⁵⁹ Rosenau J. N. Governance without Government: Order and Change in World Politics //Cambridge University Press. – 1992. 324 p.

⁶⁰ Putnam R. D. E pluribus unum: Diversity and community in the twenty-first century the 2006 Johan Skytte Prize Lecture //Scandinavian political studies. 2007. №. 2 (30). P. 137-174.

⁶¹ Богатуров А. Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе //Международные процессы. 2004. №. 1 (2). С. 16–33.

⁶² Мельвиль А. Ю. Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты //Политическая наука. 2018. №. 1. С. 173–200.

общенаучных, так частнонаучных. Так, был использован системный анализ для выявления влияния чеченской диаспоры на процесс принятия внешнеполитических решений в государствах региона. Среди исторических подходов были использованы проблемно-хронологический для анализа развития двусторонних отношений России с государствами региона, историко-генетический – для выявления эволюции диаспоральных общественных организаций и их отношения к стране исхода, историко-сравнительный – для определения различий между деятельностью диаспоры в разных государствах приема.

Кроме того, использовался анализ цифровых социальных сетей и сетевой анализ социальных диаспоральных связей для выявления различий подходов разных диаспоральных организаций к стране исхода и стране приема.

Также необходимо отметить, что было проведено несколько интервью, в том числе Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации В.С. Сидорова с целью изучения влияния конфликта в Чечне на внешнюю политику России⁶³.

Научная новизна исследования обусловлена следующим:

- Выполнено первое комплексное исследование фактора чеченской диаспоры в отношениях между Российской Федерацией и Турцией, Иорданией и Сирией. Был показан динамический характер роли диаспоры во внешнеполитическом курсе принимающих стран в связи с меняющимися политическими реалиями. Комплексность исследования заключается в том, что в нем анализируется деятельность диаспоры, страны исхода и страна приема в исторической перспективе.

- Проанализированы и систематизированы теоретические подходы к изучению современных диаспор, их формирования и функционирования. На примере чеченской диаспоры рассмотрена социально-политическая динамика диаспоры: ее переход из диаспоры – «жертвы» к имперской диаспоре и затем к диаспоре, в которой доминирует культурная общность.

- Разработана схема каналов влияния диаспоры на международные отношения на основе анализа различных подходов к изучению роли диаспор в мировой политике. На основе исторических примеров была отмечена роль различных каналов влияния в контексте взаимоотношений страны приема и страны исхода по трем направлениям возможной активности: экономическое, культурное и политическое.

- Проанализированы каналы и формы интеграции чеченской диаспоры в общества принимающей страны и ее правящие элиты. Подчеркнута, в частности, важность военной карьеры, которая была основным каналом интеграции

⁶³ Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в отставке В.С. Сидоровым. А.Х. Исраилов. 22.05.2016. Интернет-журнал при Модели ООН РУДН «Записки моделиста». URL: https://vk.com/zapiski_modelista?w=wall-119889356_27 (дата обращения: 15.05.2023)

представителей диаспоры в общество и элиту Османской империи, а позже государств, сформировавшихся на ее территории (Турции, Иордании и Сирии).

- Представлена аналитическая модель участия чеченских сообществ в политике Иордании, Сирии и Турции, с учетом численности диаспоры, ее расселения, наличия этнических общественных организаций, представленности в элитах страны приема, СМИ и контактов со страной исхода. В исследуемых странах чеченская диаспора обладала значительными ресурсами (компактностью расселения, наличием общественных организаций и представленностью в элитах обществ приема). В Турции и Иордании диаспора обладала возможностью влиять на внешнеполитический курс страны. В Сирии проводилась политика, направленная на снижение роли этноконфессиональных групп в политике, в связи с чем диаспора в стране не являлась негосударственным актором.

- Разработана периодизация кризиса в Чечне. Были выделены четыре периода в развитии конфликта, которая включала трансформацию деятельности Чеченской Республики по поддержанию связей с диаспорой. Показано, что активность взаимодействия Чеченской Республики и диаспоры была непосредственно взаимосвязана с развитием конфликта на территории Чечни.

- Деятельность диаспоры в кризисный период в силу географической и религиозной близости, стала важным феноменом в контексте двусторонних отношений России с государствами Ближнего Востока. Представители диаспоры оказали влияние на формирование внешнеполитического курса принимающих стран по отношению к стране исхода.

- Деятельность чеченской диаспоры как негосударственного транснационального актора в двусторонних отношениях России с Иорданием, Сирией и Турцией в период после 2009 г. Отмечено, что у чеченской диаспоры в Иордании и Сирии сформировался сильный пророссийский курс. В Турции чеченская диаспора имеет более критическое настроение по отношению к России.

- В результате конфликта в Сирийской Арабской Республике чеченская и северокавказская диаспоры проявили себя в качестве негосударственного актора международных отношений, оказывая влияние на страну исхода (изменение законодательства в части определения термина «соотечественник»), а также развивала транснациональные связи, как и со странами, где проживает крупная диаспора (Иордания и Турция), так и Россией (с целью возвратной миграции).

- Представлена модель взаимодействия Чеченской Республики и чеченской диаспоры в странах Ближнего Востока. Диаспора в период после 2009 г. способствовала легитимации установившегося постконфликтного устройства Чечни в глазах ближневосточной общественности и властей, а также способствовала продвижению интересов России в регионе. В свою очередь диаспора получает от Чеченской Республики необходимую гуманитарную, культурную и научную помощь.

Теоретическая значимость. Диссертационное исследование способствует расширению научного знания в области изучения чеченской

диаспоры и ее роли в двусторонних отношениях Российской Федерации с государствами Ближнего Востока. Впервые вводимые в научный оборот источники позволяют провести комплексное исследование на указанную тему. Данная работа может быть интересна специалистам по внешней политике России, ее взаимоотношениям с государствами Ближнего Востока, исследователям истории народов Северного Кавказа и северокавказской диаспоры.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что представленные в работе выводы могут быть использованы при подготовке специалистов по Ближнему Востоку и Кавказскому региону.

Кроме того, данная работа может быть востребована в МИД России, Россотрудничестве, а также других федеральных органах исполнительной власти для уточнения и выработки позиции России по сотрудничеству с государствами региона и российской диаспорой в регионе. Материалы данного исследования могут быть полезны при разработке учебных пособий по истории внешней политики России, государств Ближнего Востока и по истории Северного Кавказа.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ходе исследования определено, что диаспору чаще всего характеризует этническая или супра-этническая общность, сформированная за пределами страны исхода. Чаще всего в процесс формирования диаспоры связан с некой общенациональной «катастрофой», что характеризует ее как диаспору жертву. Однако впоследствии ее социально-политические характеристики и ее место в стране приема могут меняться, обуславливая изменение типа диаспоры.

2. Диаспоры в силу своего происхождения являются транснациональным негосударственным актором международных отношений. Диаспора осуществляет свою транснациональную деятельность в интересах самой себя, страны исхода или страны приема, действуя по трем основным направлениям (экономическое, политическое и культурное) и используя как мирные, так и протестные формы. Реализация интересов диаспоры проходит по различным каналам (СМИ, социальные сети, плебисциты, участие в органах государственной власти, террористические акты).

3. Чеченская диаспора формировалась как диаспора – жертва по результатам Кавказской войны. В этот период сформировался «миф», лежащий в основе ее самоидентификации и включавший в себя обобщенную историческую память о регионе исхода (Северный Кавказ) и необходимость возвращения на «землю предков». Привлечение к военной службе в Османской империи мухаджиров способствовало формированию двойной идентичности (страны исхода и страны приема). В результате перехода в военную элиту представители диаспоры изменился ее характер, и северокавказская диаспора в странах, входивших в Османской империи, приобрела характер имперской.

4. Предложенная автором аналитическая модель участия диаспор в политике государств Ближнего Востока учитывает ряд параметров: численность диаспоры,

особенности ее расселения, наличие общественных организаций, интегрированность в общество, профессиональные круги и правящие элиты страны приема, а также особенности этносоциальной политики принимающего государства. Данная модель позволяет выявить инструменты и формы влияния диаспоры на внутреннюю и внешнюю политику страны пребывания и ее отношения со страной приема.

В Иордании чеченская диаспора обладала возможностью влиять на внешнюю и внутреннюю политику страны через имеющиеся политические и социальные каналы (СМИ, выборы, участие в органах государственной власти, получение военного образования членами диаспоры). Партнерские отношения между страной исхода и страной приема способствовали также формированию пророссийского курса диаспоры. В Сирии, несмотря на наличие некоторых ресурсов (общественные организации, интегрированность в общество приема и правящие элиты) диаспора не смогла стать значимым политическим актором, в силу проводимой в стране этносоциальной политики, направленной на снижение влияния этноконфессиональных групп. Чеченская и шире северокавказская диаспоры оказывали влияние на внешнеполитический курс Турции благодаря развитости обозначенных ресурсов, несмотря на политику ассимиляции этнических групп внутри страны.

5. Кризис в Чеченской Республике в 1991–2009 гг. можно разделить на несколько этапов. Первым периодом можно считать 1991–1994 г., от захвата власти в Чечено-Ингушетии Общенациональным конгрессом чеченского народа до начала Операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне. Второй период характеризуется проведением Операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне в 1994–1996 гг. Третий период характеризуется отсутствием определенности в конституционном статусе Чеченской Республики в 1996–1999 гг. Четвертый период является периодом проведения Контртеррористической операции в Чеченской Республике (далее – КТО) в 1999–2009 гг.

6. Активность чеченской диаспоры по поддержанию связей с Чечней была описана в рамках данной хронологии. Заметны различия в позиции диаспор в Иордании и Сирии с одной стороны, и в Турции с другой.

К началу первого периода чеченская диаспора в Иордании, Сирии активно поддерживала курс на провозглашения суверенитета Чеченской Республики, однако по мере усиления радикальных элементов в Чечне позиции диаспоры разделились. Чеченские общины выразили поддержку антидудаевской оппозиции.

На втором этапе произошла мобилизация диаспоры. Это выражалось в оказании гуманитарной помощи, освещении событий в Чечне в местных СМИ, лоббистской деятельности и мирных протестных акциях. На третьем этапе в силу неопределенности статуса Чеченской Республики и внутренней разрухи взаимодействие диаспоры в Сирии и Иордании с Чечней снизилось.

На четвертом этапе мы видим мобилизацию чеченской диаспоры для оказания гуманитарной помощи. По мере стабилизации жизни в Чечне и деятельности легитимных властей Чеченской Республики – диаспора в этих странах выработала

пророссийский курс (позитивное отношение к действиям федеральных властей).

Диаспора в Турции поддерживала радикальные сепаратистские элементы на протяжении всех четырех этапов. В период усиления конфликта (первый и второй этап) активизация диаспоры выражалась в прямой поддержке сепаратистов, в финансировании их незаконной деятельности, отправке добровольцев на Кавказ, организации убежищ для членов бандформирований.

7. Чеченская диаспора в условиях кризиса на Северном Кавказе вела активную лоббистскую деятельность, оказывая влияние на двусторонние отношения России с Турцией, Сирией и Иорданией.

В Турции сохранялось исторически сформированное совпадение интересов диаспоры, стремившейся к «освобождению Кавказа», и государства приема, что придавало диаспоре характер инструмента политического влияния. В период кризиса официальные лица Турции, используя, в том числе диаспоральные каналы, достаточно открыто поддерживали сепаратистов в Чечне. Указанная активность турецкого государства на протяжении первого-третьего периодов кризиса в Чечне была фактором напряженности в двусторонних отношениях Москвы и Анкары. После 1999 г., на фоне смены поколения руководителей двух государств, формирования международной антитеррористической коалиции и усиления джихадизма среди чеченских сепаратистов, в Турции оформился более взвешенный курс по отношению ко внутренним делам России.

В Иордании диаспора не сформировала единой позиции на первом этапе кризиса, а сначала второго периода на фоне оказания гуманитарной помощи устранилась от формирования единой политической позиции. К 1994 г. Иордания заявила о своем «нейтралитете» и признала конфликт в Чечне внутренним делом России. На четвертом этапе кризиса чеченская диаспора в Иордании способствовала укреплению отношений с Российской Федерацией.

В Сирии, где роль северокавказской диаспоры в политике страны традиционно невелика, кризис в Чеченской Республике не повлиял на двусторонние отношения с Россией.

8. После 2009 г. Российская Федерация активизировала свою внешнеполитическую деятельность на Ближнем Востоке, а также взяла курс на укрепление связей с российской диаспорой за рубежом. Это факт еще больше увеличил роль чеченской диаспоры как негосударственного актора в международных отношениях. В Турции часть диаспоры, состоящая преимущественно из потомков мухаджиров, выступила за развитие отношений с Россией в условиях становления новой системы международных отношений. Другая часть осталась настроена негативно к России и организует различные провокации (например, присвоение паркам и мечетям имен отдельных чеченских сепаратистов) с поддержкой властей. При этом оба сегмента диаспоры продолжают поддерживать «миф» о «Кавказе, свободном от России». В Иордании большая часть диаспоры настроена положительно к России и способствует укреплению двусторонних отношений. В Сирии, где чеченская и шире чеченская и северокавказская диаспора не оказывала

влияния на двусторонние отношения, диаспора после начала российской военной операции в Сирии выступила в качестве дополнительного неформального канала взаимодействия между Россией и Сирийской Арабской Республикой (далее – САР).

9. В условиях гуманитарного кризиса в САР с 2011 г. чеченская, и шире северокавказская диаспора, активно развивали транснациональные связи. Стремление диаспоры занять нейтральную позицию во внутривосточном конфликте вызвало недовольство как официальных властей САР, так и оппозиции. Диаспора использовала транснациональные связи для поиска убежища вне Сирии, в том числе для возвращения в страну исхода. Это стало причиной изменения законодательства Российской Федерации в части определения термина «соотечественник».

10. Чеченская Республика в период после 2009 г. продолжила развивать отношения с диаспорой, в том числе ответила на запрос диаспоры в развитии имеющихся культурных, гуманитарных институтов диаспоры. Активизация взаимодействия Чечни с диаспорой способствует укреплению взаимоотношений Российской Федерации с Иорданией, Сирией и Турцией. Также необходимо отметить, что Чеченская Республика оказывает помощь диаспоре в случае гуманитарных бедствий, к примеру, после землетрясения в Турции и Сирии в 2023 г., в ходе которого пострадали, в том числе и районы, населенные этническими чеченцами.

Обоснованность и достоверность исследования обеспечена как обширной источниковой базой, так и репрезентативной историографией, которая включает в себя труды российских и западных исследователей. Их позиции подвергались сравнению, что делает использование научной литературы релевантным и позволяющим достичь более объективных оценок и выводов.

Апробация результатов исследования. Основные тезисы диссертационного исследования были обсуждены и одобрены на кафедре теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Результаты и выводы, выработанные в ходе научного исследования, нашли отражение в 3 научных статьях, которые опубликованы в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации и Перечень РУДН.

Личный вклад автора является определяющим и заключается в непосредственном участии на всех стадиях исследования: от постановки цели и задач исследования и их реализации до отражения результатов в научных публикациях, а также положениях, выносимых на защиту.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертации соответствуют содержанию специальности 5.6.7 «История международных отношений и внешней политики».

Структура и содержание диссертации обусловлены кругом исследуемых

проблем и отвечают поставленным цели, задачам, объекту и предмету исследования.

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения и списка источников и литературы по теме исследования.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования; определяются цели, задачи, объект и предмет исследования; дается характеристика источниковой базы; раскрывается теоретическая основа и степень научной разработанности исследования; указывается методологическая основа исследования; определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; формулируются основные положения, выносимые на защиту; обозначается обоснованность и достоверность исследования, а также апробация результатов.

В первой главе **«Формирование чеченской диаспоры теоретико-методологические подходы к ее изучению»** исследуются методологические подходы к изучению диаспор, их роль в мировой политике, в том числе как транснационального негосударственного актора в отношениях государств исхода и приема. Исходя из изученных методологических подходов, описывается процесс формирования и становления чеченской диаспоры, ее встраивания в общества государств приема.

В первом параграфе **«Теоретические основы изучения современных диаспор»** рассмотрены различные определения диаспоры и ее отличительные признаки. Критически проанализированы имеющиеся методологические подходы к описанию диаспор, выявлены их различия. Особое значение в формировании диаспоры отдается наличию общей идентичности, основанной на травматическом опыте, и мифе об исторической родине, как идеальном месте, куда необходимо вернуться.

Во втором параграфе **«Роль диаспор в мировой политике»** диаспоры рассматриваются как негосударственные акторы международных отношений, действующие в рамках «триады»: страна исхода, диаспора и страна приема. Разработана концепция, согласно которой диаспоры могут осуществлять свою деятельность по трем направлениям: экономическому, культурному и политическому. Осуществляет она свою деятельность через каналы влияния (СМИ, общественные организации, плебисциты, участие в органах государственной власти) и ее акции по своей форме делятся на мирные и «протестные». Потенциал осуществления влияния зависит от наличия у диаспоры ряда ресурсов (компактности расселения, численности, наличия общественных организаций, представленности в органах госуправления).

В третьем параграфе **«История формирования чеченской диаспоры на Ближнем Востоке»** изучается процесс образования чеченской диаспорой за

рубежом. Первоначально процесс был связан с явлением мухаджирства, возникшего в результате окончания Кавказской войны. Представители многих народов Кавказа покинули исходные регионы проживания и переселились в Османскую империю. После переселения, несмотря на значительные трудности, северокавказцам удалось интегрироваться в османское общество.

Во второй главе **«Место чеченской диаспоры в становлении двусторонних отношений России с Турцией, Сирией и Иорданией в 1991–2009 гг.»** анализируется исторический период, связанный с кризисом в Чеченской Республике. В главе рассматривается положение чеченской диаспоры и ее влияние на жизнь государств приема в государствах Ближнего Востока, анализируется взаимодействие властей Чеченской Республики и диаспоры, а также отношение диаспоры к вызовам, вызванным кризисом на Северном Кавказе, в двусторонних отношениях России с Турцией, Сирией и Иорданией.

В первом параграфе **«Особенности чеченской диаспоры и ее роль в политике государств Ближнего Востока»** рассматривается положение чеченской диаспоры в Иордании, Сирии и Турции. Так, в Турции чеченская диаспора обладала значительными ресурсами для оказания влияния на политику страны, однако в силу сформировавшейся традиции играла роль инструмента в кавказской политике Турции. В Иордании диаспора оказалась приближенной к правящей династии, что укрепляло ее положение на политической арене страны, способствовало развитию диаспоральных общественных организаций, сохранению языковой идентичности. Наличие партнерских отношений между СССР и Иорданией также способствовало формированию просоветского настроения в диаспоре и облегчало процесс репатриации. В Сирии чеченская диаспора оказалась в большей части ассимилирована, кроме того, ее политическая роль была незначительной в силу проводимой сирийскими властями политики по сокращению влияния этноконфессиональных групп на государственную власть.

Во втором параграфе **«Деятельность Чеченской Республики по поддержанию связей с диаспорой в Турции, Сирии и Иордании до 2009 г.»** рассматривается период кризиса в Чеченской Республике, реакция диаспоры на него и взаимодействие официальных и непризнанных властей Чечни с ней. Выделяется несколько этапов развития конфликта в Чечне (1991-1994 гг., 1994-1996 гг., 1996-1999 гг., 1999-2009 гг.). Так, в рамках данного параграфа следует отметить, что реакция чеченских диаспор была неоднозначно. Если диаспора в Турции активно лоббировала интересы сепаратистов и поддерживала их, то в Иордании диаспора критически отнеслась к деятельности незаконных бандформирований. Тем не менее обострение кризиса в 1994-1996 гг. привело к мобилизации диаспоры, что проявилось и как в поддержке сепаратистов (добровольцами, финансами, медийно), так и в оказании гуманитарной помощи. Однако последовавшее углубление кризиса вкупе с ростом джихадистских настроений среди сепаратистов способствовало налаживанию отношений между

легитимными властями Чеченской Республики во главе с А. А. Кадыровым, а после с А.Д. Алхановым и Р.А. Кадыровым.

В третьем параграфе **«Формирование в диаспоре отношения к вызовам в двусторонних отношениях России с Турцией, Сирией и Иорданией»** анализируются вызовы в отношениях России с государствами региона, в частности связанные с кризисом в Чеченской Республике. Заинтересованность государств Ближнего Востока в Чечне была определена рядом факторов. Можно выделить территориальный – географическая близость государств Ближнего Востока, в особенности Турции, и Северного Кавказа. Также можно выделить религиозный фактор – чеченцы и народы Ближнего Востока придерживаются в основном ислама. В случае с Турцией можно также выделить геополитический фактор, связанный с тем, что Турция исторически рассматривает Кавказ как зону своих интересов. В свою очередь северокавказская диаспора в странах Ближнего Востока использовала свои лоббистские способности с целью роста внимания государств региона к ситуации в Чеченской Республике. При этом после 1999 года, в результате перехода многих сепаратистов с позиций светского национализма на джихадистские позиции, происходит сближение России и государств региона на платформе борьбы с международным терроризмом.

В третьей главе **«Фактор чеченской диаспоры в период активизации внешней политики России на Ближнем Востоке (2009–2023 гг.)»** показан процесс политической активности чеченской диаспоры на фоне активизации российской внешней политики в регионе Ближнего Востока и ее взаимодействия с диаспорой. Рассматривается неоднозначная политическая позиция диаспор в разных странах (в Иордании и Сирии преимущественно пророссийская, в Турции преимущественно антироссийская). В контексте двусторонних отношений России с Турцией, Иорданией и Сирией изучается взаимодействие Чеченской Республики с диаспорой. Особое внимание уделяется влиянию сирийского кризиса на диаспору, проживающую в Сирии.

В первом параграфе **«Чеченская диаспора как транснациональный негосударственный актор в развитии двусторонних отношений России с Турцией, Сирией и Иорданией»** были рассмотрены российские доктринальные документы, изучающие взаимодействие с диаспорами, основные направления двустороннего взаимодействия России с Турцией, Сирией и Иордании, деятельность северокавказских общественных организаций. Так, автором было выявлено, что диаспора в Турции расколота на два больших лагеря: критически настроенный к России, но считающий важным сотрудничать со страной исхода, и радикально антироссийский. Во многом, второй лагерь соотносится с политикой Турции в отношении с Россией. Что касается диаспоры в Иордании, то была выявлена позитивная динамика в двусторонних отношениях, в которых были разногласия, не носящие критического характера. В свою очередь чеченская диаспора на уровне общественных организаций считает своим долгом способствовать укреплению двусторонних отношений между страной исхода и

страной приема. Чеченская диаспора в Сирии после 2011 г. выступала в качестве неформального инструмента поддержания дружеских отношений между Россией и Сирией.

Во втором параграфе **«Влияние конфликта в Сирии на чеченскую диаспору в стране»** изучен вопрос влияния кризиса на положение чеченской диаспоры в частности и северокавказской диаспоры в целом. Было выявлено, что кризис привел к гуманитарному кризису, что способствовало репатриации потомков мухаджиров в Россию, что повлияло на изменение и российского законодательства. Кроме того, установлено, что чеченская диаспора, проживавшая в Сирии, не поддерживала джихадистские группировки, в массе своей ориентируясь либо на легитимные власти САР, либо на представителей умеренной оппозиции, типа формирований сирийских курдов в Рожаве, где расположены моноэтничные чеченские села.

В третьем параграфе **«Деятельность Чеченской Республики по поддержанию связей с диаспорой в период после 2009 года»** рассмотрены концептуальные документы субъекта Федерации, резолюции общественных организаций и активность Чеченской Республики по развитию отношений с диаспорой. Установлено, что власти Чечни уделяют значительное внимание развитию сотрудничества с диаспорой, что проявляется в гуманитарной, научной, медийной и образовательной работе. В целом, руководству Чеченской Республики удалось наладить эффективное взаимодействие с диаспорой, что способствует улучшению имиджа как Чечни в частности, так и России в целом, на Ближнем Востоке. Лишь отдельные диаспоральные организации в Турции критически воспринимают современную ситуацию в Чечне.

В **заключении** подведены итоги проделанной работы и сформулированы основные выводы.

Фактор чеченской диаспоры в двусторонних отношениях Российской Федерации с государствами Ближнего Востока имеет разное значение в зависимости от исторических особенностей становления диаспоры и страны приема. Так, в отношениях с Иорданией в силу наличия у диаспоры ресурсов для осуществления политической деятельности и исторически сложившегося преимущественно позитивного отношения к стране исхода, в связи с партнерскими отношениями еще СССР и Иордании и открытости их к сотрудничеству, фактор диаспоры играет значительную роль и способствует улучшению двусторонних отношений. В свою очередь в Сирии в силу активной политики ассимиляции после 1970 г., проводимой властями страны, у диаспоры не было сколь-либо значимого ресурса для влияния на двусторонние отношения. Что касается российско-турецких отношений, то Турция рассматривает диаспору в качестве инструмента своей кавказской политики, а диаспора рассматривает страну приема в качестве «союзника» в «освобождении» Кавказа от России, в связи с чем деятельность чеченской диаспоры в двусторонних отношениях России и Турции является, скорее, фактором напряженности.

Следует отметить, что фактор чеченской диаспоры в двусторонних отношениях России с государствами Ближнего Востока в 1991–2023 гг. играл важную роль. При этом его роль и значение разнится от страны приема. Так, в случае Иордании и Турции он играл куда более значимую роль, чем в отношениях России с Сирией. Значение диаспорального фактора до 2009 г. определялось кризисом в Чеченской Республике 1991–2009 гг., который стал причиной мобилизации диаспоры и активизации ее как негосударственного актора в международных отношениях.

После 2009 г. важность фактора чеченской диаспоры в двусторонних отношениях России с государствами региона связана с тем, что Россия вернула себе позиции одного из ключевых игроков на Ближнем Востоке. В рамках усиления присутствия России в регионе диаспора выступает в одних случаях в качестве дополнительного проводника российских интересов, в других случаях в качестве негосударственного актора, стоящего на антироссийских позициях.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Публикации в изданиях, входящих в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты исследований в рамках диссертаций, представляемых к защите в диссертационных советах РУДН:

1. *Исраилов А.Х.* Роль северокавказской диаспоры в двусторонних отношениях России и Турции в 1917-1921 гг. // Конфликтология/nota bene. 2024. №. 1. С. 39-53.

2. *Исраилов А.Х.* Особенности формирования чеченской диаспоры и политическая роль мухаджиров в Османской империи 1864-1917 гг. // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. №. 1. С. 87-96.

3. *Исраилов А.Х., Моргунова О.А.* Чеченская диаспора в странах Ближнего Востока: к вопросу о поколенческой преемственности и социополитической динамике сообществ // Вестник Ярославского государственного университета им П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 18. №. 3. С. 366-377

ИСРАИЛОВ Адам Хамзатович
(*Российская Федерация*)

**ФАКТОР ЧЕЧЕНСКОЙ ДИАСПОРЫ В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ГОСУДАРСТВАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
(НА ПРИМЕРЕ ТУРЦИИ, ИОРДАНИИ И СИРИИ) В 1991–2023 гг.**

Диссертационное исследование посвящено изучению фактора чеченской диаспоры в двусторонних отношениях России с Турцией, Иорданией и Сирией в 1991-2023 гг. В нем проанализированы теоретико-методологические подходы к изучению диаспор, разработана концепция участия диаспор в мировой политике. Рассматривается процесс формирования чеченской диаспоры в странах Ближнего Востока, а также роль диаспоры в странах приема. Значительное внимание уделяется кризису в Чеченской Республике в 1991-2009 гг. и роли диаспоры в нем. Описан процесс формирования отношения чеченской диаспоры в Турции, в Иордании и Сирии к вызовам в двусторонних отношениях России с указанными странами. Дана оценка деятельности чеченской диаспоры в качестве негосударственного актора в двусторонних отношениях России с Турцией, Иорданией и Сирией. Рассмотрено влияние конфликта в Сирии на диаспору в стране. Рассмотрено взаимодействие постконфликтной Чечни и диаспоры. Сделан вывод, что чеченская диаспора является заметным фактором в двусторонних отношениях, что связано с большим влиянием диаспоры в государствах приема.

ISRAILOV ADAM
(*Russian Federation*)

**THE FACTOR OF CHECHEN DIASPORA IN THE RUSSIAN FEDERATION
BILATERAL RELATIONS WITH THE MIDDLE EAST STATES (ON THE
EXAMPLE OF TURKEY, JORDAN, AND SYRIA) IN 1991-2023**

This dissertation study explores the Chechen diaspora factor in Russia's bilateral relations with Turkey, Jordan, and Syria in 1991-2023. It analyzes theoretical and methodological approaches to the study of diasporas and develops a concept of diaspora participation in world politics. It examines the history and formation of the Chechen diaspora in the Middle East, as well as the role of the diaspora in the receiving countries. Considerable attention is paid to the crisis in the Chechen Republic in 1991-2009 and the role of the diaspora in it. It describes how the Chechen diaspora in Turkey, Jordan and Syria have shaped their attitudes to the challenges to Russia's bilateral relations with these countries. The author assesses the Chechen diaspora as a non-state actor in Russia's bilateral relations with Turkey, Jordan, and Syria. The influence of the conflict in Syria on the diaspora in the country is examined. The author considers the interaction between post-conflict Chechnya and diaspora. It is concluded that the Chechen diaspora is a notable factor in bilateral relations, which is due to the great influence of the diaspora in the host states.